

О КАВКАЗЕ. (О делах эстонцев этой земли). Пастор А. ДОЛЛ, с кем мы в Петербурге познакомились и кого Бог, к счастью кочевавших эстонцев, послал церковным пастором в город Ставрополь, пишет нам следующее:

«Милый «Постимеес» и друг! Некоторые друзья и родственники более – менее знают, куда делись эстонцы, которые переехали на крымский полуостров. Другие думают, что их дела идут хорошо; так как у кого горе и трудности всегда вызывают о помощи, но у кого трудностей нет, тот молчит, ему просьбы не нужны. - Из Крыма не поступают письма о помощи, значит, действительно дела сложились хорошо. Бог благословил и помог нашим братьям по Вере и крови? Но помощь и благословение не приходят в соответствии с нашими пожеланиями, а только божественное желание и умение посылают часто нам наказания и трудности в жизни, чтобы недостаток земных благ заставлял нас обращать в сторону небес наши сердца. Несчастные те, кто бедные душой, и у кого голод и жажда за справедливость; потому что они должны исполниться. Если бы среди Крымских эстонцев так обстояли дела, если бы они сначала искали божье царства и его правду, тогда дал бы Бог кроме того так же то, что для еды, питья и одежды нужно было бы.

Из Крыма, в ответ на Вашу просьбу не могут к Вам в Таллинн или в Ригу прийти, потому, что - Эстонцев уже нет в Крыму. Куда же они подевались? Что, вернулись назад? Тоже нет. Некоторые из них охают и стонут: «Всё - таки, исполнилось, что наши учителя и более грамотные люди говорили, когда они, оберегая свой народ и паству, нам предсказывали и предупреждали о многих трудностях впереди! Золотых гор и полных амбаров хлеба нам нигде не встречалось. Крымская земля в этих местах, которую нам дали, настоящая пустынная земля. В четырёх сёлах пожилы, в каждом селе только один колодец: такой глубины, что с утра до самого вечера пара волов должны работать, на поднятии воды. Тогда еле- еле хватало населению села. О поливе огорода даже думать нечего! Четыре раза в год нужно было покупать верёвку (канат), которая стоила 25 рублей, что в год составляет 200 рублей золотом. В селе и поблизости от села не росли деревья. Лес на расстоянии 140 – 150 вёрст: привёз воз дров, и неделя кончилась. Утром пойдёшь на сенокос, найдёшь на одной кочке пучок травы, через 100 шагов опять пучок. Вечером соберёшь траву, заполнятся только у брички решётки кузова. Хочешь вспахать огород нужно иметь дорогую немецкую соху и 3 – 4 пар волов. Земля - мажущаяся чистая глина или твёрдая как полевая дорога. Что утром спашешь - к вечеру высыхает, становится твёрдой как черепица. Кроме того – очень мало дождей. Что там может расти? Кушали казённый хлеб, какая от него сила и питательность! Ещё нужно одевать себя, жену и детей, учить детей. Откуда это брать? Даже и в направлении богослужения были, как презренные сироты. Собирались вместе помолиться и проповедь послушать, но где нет церковного учителя, там дела не идут и народ и в вере, и в жизни портится. В последний

¹ Перевод: Эдуард Вахонский

год пришёл в Крым господам церковный учитель, который знал язык народа, но большинство из нас его не видел и не слышал».

Так жаловались эстонцы.

Когда в прошлом году в июне я успел на Кавказ в город Ставрополь, тогда здесь встретился с тремя эстонцами, которые мне рассказали, что они являются посланниками эстонцев и что они все хотят из Крыма перекочевать на эту землю. Так как эстонский народ и их язык мне являются милыми, я пожелал среди них культивировать душевное поле и сеять семена слова божьего, но должен в связи с этим пойти учителем на далёкую кавказскую землю. Однако теперь, когда в первый день узнал желание эстонцев, понял, почему Бог меня сюда привёл. Душевный пастух должен быть здесь раньше, чем стадо. Бог вовсе не хотел, чтобы эстонский народ, далеко от родины и родного языка, как заблудившиеся овцы жили среди русских, казаков, татар, калмыков, черкесов, греков и немцев, которые другой веры придерживаются и разговаривают на другом языке, должен остаться без правильной, чёткой проповеди божьего слова.

«До рождества в прошлом году пришли около 10 семейств, после рождества ещё, всего 36 семейств в город Ставрополь. На своих, покрытых материалом из парусиновой ткани телегах было всё оставшееся домашнее и полевое богатство; у некоторых одна лошадь, у некоторых 2, редко одна корова или пара волов. Они всё продали, когда начали из Крыма уходить, так как из Керчи через пролив нелегко с животными идти, и как прокормить, и ухаживать в зимнее время в пути 500 или 600 вёрст. Некоторые хозяева уже давно свою живность продали и с хлебом их съели. Бедность была страшной: голод, одежда протёртая и порванная; в то же время и дни и ночи под дождём и снегом».

Из письма пастора А. Долл с Северного Кавказа